

Попов К. М. Чин священного коронования: (Исторический очерк образования чина): [Чин коронования в Византии] // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 4. С. 59–72 (2-я пагин.). (Начало.)

ЧИНЪ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

(Историческій очеркъ образованія чина).

Царское вѣнчаніе и чинъ его перешли на Русь изъ Византіи, откуда первоначально были получены и царскія инсигніи. Такую генетическую связь русскаго вѣнчанія царей съ византійскимъ устанавливаютъ историческія показанія какъ русскія, такъ и греческія, и даже русская народная легенда. Полученный изъ Византіи чинъ вѣнчанія на Руси продолжительное время постепенно развивался, осложняясь въ идейной сторонѣ и соотвѣтственно этому въ подробностяхъ ритуала. Но это развитіе не было оригинальнымъ и шло параллельно съ развитіемъ коронаціоннаго чина въ Византіи. Отсюда слѣдуетъ, что ясно представить себѣ исторію русскаго чина священнаго коронованія нѣтъ возможности безъ ознакомленія съ исторіею византійскаго коронаціоннаго чина и посему мы сперва поведемъ рѣчь объ историческихъ судьбахъ греческаго чина коронаціи, а затѣмъ посмотримъ, какъ воспринималось на Руси то историческое развитіе, которому этотъ чинъ подвергался у себя на родинѣ.

1. Чинъ коронованія въ Византіи.

Византійскій императоръ Константинъ VII Порфирогенить (913—959) занесъ въ свое сочиненіе „De administrando imperio“ легенду, приписывающую коронованію чудесное происхожденіе и возводящую его къ первому христіанскому императору Константину Великому. Предупреждая о грозящихъ цѣлости и безопасности имперіи опасностяхъ со сто-

роны окружающихъ ее воинственныхъ кочевыхъ народностей, Константинъ Порфирогенитъ внушаетъ сыну и его преемникамъ по трону: „если когда-нибудь Хазары или Турки или Россы или какой-нибудь другой изъ сѣверныхъ и скинскихъ народовъ потребуетъ въ знакъ рабства и подчиненности присылки ему царскихъ инсигній: вѣнцовъ или одежды, то должно знать, что эти одежды и вѣнцы не людьми изготовлены и не человѣческимъ искусствомъ измышлены и сдѣланы; но въ тайныхъ книгахъ древней исторіи записано, что Богъ, поставивъ царя Константина Великаго первымъ христіанскимъ царемъ, чрезъ ангела своего послалъ ему эти одежды и вѣнцы“¹⁾.

Такимъ образомъ въ Византіи коронацію вели отъ Константина Великаго. Совѣтъ другое утверждаетъ русская народная легенда, относящая происхожденіе ея къ болѣе позднему времени, ко времени какого-то византійскаго императора Льва. Имѣемъ въ виду такъ называемую „повѣсть о Вавилонѣ“, которая вводитъ насъ въ тѣ времена, когда славный при царѣ Навуходоносорѣ городъ Вавилонъ „пустъ сталъ“, заросъ травою, въ которой гнѣздились „гада всякія, зміи и жабы великія, имъ же числа нѣсть“, и былъ вокругъ обогнутъ однимъ громаднымъ „великимъ зміемъ“. Годъ защитой змиинаго воинства въ городѣ хранились царскія инсигнии Навуходоносора. Прослышавъ о нихъ греческій царь Левъ, во святомъ крещеніи Василій, и пожелалъ добыть ихъ себѣ. Съ этою цѣлью онъ послалъ туда трехъ благочестивыхъ мужей христіанскаго „роду“: гречанина, абхазина (абхаза) и словянина, которые съ разными приключеніями добрались до царской сокровищницы и въ ней нашли „два вѣнца царскихъ“ съ грамотой. Грамота гласила: „сіи вѣнцы сотворены бысть, егда Навуходоносоръ царь тѣло златое сотвори, а нынѣ будутъ на Греческомъ царѣ Левѣ, во святомъ крещеніи Васи́ліи, и на его царицѣ Александрѣ“. Кромѣ того послы нашли еще „крабицу (коробку) сердоликову, въ которой „бысть царская багряница, сирѣчь порфира“, а по одному варианту

¹⁾ Византійскихъ историковъ цитуюмъ по Бонискому изданію (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*). *Constantini Porphyrogeniti volum. III, p. 52, cap. 13, ср. Cedrenus, t. 1, p. 517.*

въ крабицѣ лежали „царскій виссонъ и порфира и шапка Мономахова, и скипетръ царскій“. Съ найденными вещами послы вернулись къ царю. Царь съ ними „поиде къ патриарху“ и тотъ возложилъ вѣнцы на него и его супругу ¹⁾.

Легендѣ сначала приписывалось византійское происхожденіе и изъ нея дѣлался поспѣшный выводъ, что „греческая имперія чины церковнаго вѣнчанія получила съ Востока“ ²⁾. Лишь въ недавнее время установили, что легенда возникла на русской почвѣ ³⁾, гдѣ были подходящіе мотивы для ея появленія, и стали разсматривать ее, какъ самобытный русскій политическій памфлетъ *sui generis* ⁴⁾. Такимъ образомъ повѣсть о Вавилонѣ не можетъ подрывать показанія Константина Порфирогенита. Другія же русскія повѣсти прямо подтверждаютъ его.

Русскіе съ XV в. усиленно стремились связать свою царскую династію съ римскою. Извѣстное „родословіе великихъ князей русскихъ“ ведетъ ихъ родовую линію отъ кесаря римскаго Августа ⁵⁾. Но русскіе не удовлетворились римскою генеалогіею своихъ князей. Они наградили ихъ и римскими царскими регаліями. Они утверждали, что великій князь Владиміръ принялъ діадиму и вѣнецъ греческаго царя Константина, а также „крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеса иногда Августъ кесарь римскій“, и другія инсигнії ⁶⁾.

Упомянутіе объ Августѣ, кесарѣ римскомъ, имѣетъ немаловажное значеніе: оно ставитъ византійскую коронацію въ связь съ древне-римскою. Если сопоставить это упоминаніе съ византійскою легендой, возводящей коронацію къ Константину Великому, мы можемъ яснѣе представить себѣ

¹⁾ Издана у А. Н. Веселовскаго въ ст. „Отрывки Византійскаго эпоса въ рускомъ“, Славянскій Сборникъ, томъ 3, Спб. 1876, стр. 133—139.

²⁾ Веселовскій, цит. соч. стр. 163—165; Е. В. Барсовъ, Древне-русскіе памятники вѣнчанія царей на царство. Москва. 1883, стр. V.

³⁾ И. Ждановъ, Повѣсти о Вавилонѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, т. 276, стр. 277; Шыпинъ, Новая эпоха, Вѣстникъ Европы, 1894, т. I, стр. 275.

⁴⁾ В. С. Соловьевъ, Византизмъ и славянство, Вѣстникъ Европы, 1896, т. I, стр. 172.

⁵⁾ Напечатано у А. И. Лейбовича, Сводная лѣтопись, выд. I, Спб. 1876, приложение № 2, стр. 267.

⁶⁾ См. у Шыпина въ Вѣстн. Европы, 1894, т. I, стр. 278.

происхожденіе византійской коронаціи. Византійская коронація унаслѣдована отъ древняго Рима. Такой генезисъ ея заставляютъ признать также соображенія общаго характера, которыя нѣсколько восполняютъ пробѣлы въ документальныхъ историческихъ показаніяхъ объ этомъ преемствѣ и въ частности о коронаціи Константина Великаго.

Государственная жизнь Византійской имперіи представляла прямое продолженіе древне-римскаго государственнаго строя. Крутая ломка государственнаго строя, по существу, невозможна и при новыхъ принципахъ жизни уцѣлеваютъ старыя формы, конечно, не всѣ, а *какія могутъ*. Нѣкоторыя учрежденія, имѣвшія мѣсто въ языческомъ мірѣ и не мирившіяся съ христіанскими началами, утратились всецѣло, замѣнившись новыми. Но многія остались существовать. Нѣкоторыя изъ нихъ не заключали ничего противнаго христіанской религіи или были безразличны съ нравственной христіанской точки зрѣнія и могли остаться въ прежнемъ видѣ. Относительно другихъ императоры позаботились измѣнить ихъ языческую фizioномію подъ вліяніемъ христіанства. Коронація принадлежитъ къ явленіямъ второго порядка. Она существовала въ языческой имперіи¹⁾ и несомнѣнно изъ нея перешла въ христіанскую съ нѣкоторыми измѣненіями. Такой переходъ могъ совершиться тѣмъ легче, что для нея имѣлась христіанская основа въ исторіи богоизбраннаго еврейскаго народа, цари котораго носили царскія ивсигніи: вѣнецъ и порфиру (2 Цар. 1, 10 и др.).

Наконецъ, мы нашли исходное начало византійской коронаціи и оно-то поможетъ намъ освѣтить ея первоначальную исторію, имѣющую большіе пробѣлы.

Первое упоминаніе о коронаціи дошло до насъ лишь изъ самаго конца IV в., изъ времени императора Θεодосія Великаго (394 г.)²⁾. Затѣмъ Константинъ Порфирогенитъ даетъ намъ описаніе нѣсколькихъ коронацій V и VI вв. Онъ сразу переходитъ къ передачѣ современнаго ему чина коронаціи (первой половины X в.)³⁾ и открывающейся про-

¹⁾ Lübker Reallexicon des classischen Alterthums, 5-te Auflage, Leipzig, 1877, S. 295. Cedren. t. I, p. 477.

²⁾ Бл. Θεодоритъ, Церковная исторія, русск. пер. Спб. 1852, кн. 5, гл. 6, стр. 312.

³⁾ Constantini Porphyrogeniti vol. I. De cerimoniis aulae Byzantinae, I, c. 91—95, p. 410—433; c. 38—42, p. 191—217.

бѣль заполняется лишь нѣсколькими отрывочными пояснительными свѣдѣніями, которыя даютъ намъ другіе историки. Вотъ и весь историческій матеріаль, которымъ мы располагаемъ.

Изучая этотъ матеріаль, мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Въ Византіи, при вступленіи на престолъ, императоръ дважды короновался. Одна была гражданская коронація, унаслѣдованная изъ древняго Рима, *ἡ ἀρχαϊότης*—какъ называется ее Константинъ Порфирогенить ¹⁾; другая—церковная.

Порядокъ замѣщенія престола былъ избирательный. За избраніемъ всегда слѣдовало провозглашеніе избраннаго царя, *ἀναγόμενος*. Избранный восходилъ на щитъ и на немъ поднимался, привѣтствуемый народными кликами. Прежде чѣмъ войти на щитъ, онъ самъ короновался, надѣвалъ вѣнецъ и порфиру ²⁾. Это провозглашеніе нѣкоторое время происходило на Марсовомъ полѣ; при императорѣ Анастасіи (491 г.) оно было перенесено на ипподромъ ³⁾.

Существенно необходимымъ для новоизбраннаго императора считалось и церковное вѣнчаніе отъ патріарха. Послѣ провозглашенія императоръ слѣдовалъ въ церковь, гдѣ вѣнецъ на него возлагался рукою патріарха.

Устанавливая существованіе коронаціи въ двухъ видахъ, историки далѣе говорятъ объ обычаѣ (*ἔθος*) ⁴⁾, законѣ (*νόμος*) ⁵⁾, чинѣ (*τάξις*) ⁶⁾, который соблюдался при коронаціи. Это упоминаніе даетъ возможность предполагать существованіе извѣстнаго церковнаго чина, какимъ совершалось патріаршее вѣнчаніе императоровъ. Давая подробное и обстоятельное описаніе ритуала гражданской коронаціи, историки къ сожалѣнію даютъ мало данныхъ для сужденія о содержаніи церковнаго чина. Прежде чѣмъ мы попробуемъ воссоздать на основаніи ихъ показаній содержаніе чина церковнаго вѣнчанія, мы замѣтимъ, что чинъ этотъ постепенно

¹⁾ *ibid.* с. 91, р. 417.

²⁾ *ibid.* р. 411, 423, 429 и др.

³⁾ *ibid.* р. 417.

⁴⁾ *ibid.* р. 422, 430, 432.

⁵⁾ Procopii De bello persico, 1, с. 24, р. 124 русск. перев. Спб. 1862, стр. 127; р. 127, русск. перев. стр. 130.

⁶⁾ Const. Porphyrog. *ibid.* р. 412.

развивался и осложнялся. Это развитіе опредѣлялось особыми условіями. При провозглашеніи старались держаться традиціонныхъ обычаевъ, но не строго; сравнивая описанія разныхъ провозглашеній, находимъ и „отмѣны“ и прибавки. Все это зависело отъ личныхъ вкусовъ императора. Константинъ Порфирогенитъ заявляетъ, что онъ для того и даетъ описанія провозглашеній нѣсколькихъ императоровъ, чтобы послѣдующіе императоры могли выбрать удобное и нравящееся имъ. Поэтому-то онъ же, замѣчая, что въ провозглашеніи императора держались традиціи и обычая, въ то же время говоритъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ императоръ дѣлаетъ, какъ желаетъ, или дѣластъ, если ему нравится (*ὡς βούλεται, ἐν ἁρίσκει*) ¹⁾. Итакъ какъ въ Византіи мы замѣчаемъ опредѣленное стремленіе къ ослабленію языческаго элемента въ пользу христіанскаго, постепенный разрывъ съ древностью, то естественно и коронаціонный ритуаль все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ христіанскую окраску; церковная сторона его развивается и осложняется, а гражданская коронація претерпѣваетъ отмѣны.

Развитіе чина двигалось медленными шагами и чинъ IV в. очень простъ. Патріархъ возлагаетъ лишь вѣнецъ ²⁾. Въ 5 в. онъ немного сложнѣе. Патріархъ возлагаетъ вѣнецъ, но предварительно бываетъ чтеніе евангелія и пріобщеніе императора запасными дарами ³⁾. Въ концѣ V в. онъ получаетъ новыя черты. Мы узнаемъ, что предъ возложеніемъ хламиды и вѣнца патріархъ творитъ молитву и поется „Господи помилуй“ ⁴⁾. Мало этого. Отъ императора требуется исповѣданіе вѣры. Въ 491 г. патріархъ Константинопольскій Евимій потребовалъ отъ импер. Анастасія, чтобы онъ, прежде вѣнчанія, „представилъ ему собственноручно написанное, страшными клятвами утвержденное обѣщаніе въ томъ, что онъ будетъ хранить вѣру въ цѣлости“ ⁵⁾. Требованіе возникло по поводу сомнѣній въ православіи Анастасія. Анастасій выполнилъ его, а затѣмъ оно вошло

¹⁾ *ibid.* p. 417.

²⁾ Блаж. Феодоритъ, Церк. ист. стр. 312.

³⁾ Const. Porphyg. De cerim. aulae Byz. p. 415.

⁴⁾ *ibid.* p. 423.

⁵⁾ Euagrius, Historia eccles. Lib. III, c. 32, русск. пер. Спб. 1853, стр. 167—168.

въ чинъ, какъ постоянная составная его часть.—Описанія коронацій послѣдующихъ императоровъ говорятъ только, что патріархъ *εποίησεν εὐχὴν*—творилъ молитву. Новую подробность узнаемъ лишь изъ 9-го вѣка. Объ импер. Михаилѣ передается, что его коронація совершалась на *амвонѣ* (*ἐν τῷ ἄμβωνι*)¹⁾.

Кромѣ того, мы узнаемъ еще о бывшемъ у византійскихъ императоровъ обыкновеніи короновать своихъ супруговъ и наслѣдниковъ, причемъ обычно вѣнцы на нихъ возлагались императоромъ, который принималъ ихъ изъ рукъ патріарха²⁾.

Не смотря на видимую незначительность историческихъ показаній о содержаніи чина, мы находимъ, однако, что уже въ началѣ IX в. опредѣлились всѣ существенныя черты, которыми характеризуется первый дошедшій до насъ чинъ коронаціи (изъ 10-го в.). Вотъ эти черты, а) царскими инсигніями неизмѣнно являются порфира и вѣнецъ, б) возлагаются инсигніи патріархомъ въ церкви на амвонѣ, в) при этомъ патріархъ читаетъ молитву, г) императрица и наслѣдникъ коронуются рукою императора, д) отъ коронуемаго требуется кноувѣданіе вѣры и обѣщаніе хранить православіе. Если что новаго и даетъ намъ чинъ X в., такъ только то, что онъ знакомитъ насъ съ ритуаломъ и порядкомъ, въ какомъ слѣдуютъ въ чинѣ составныя части.

Чинъ X в. имѣетъ такой видъ. Императоръ въ торжественной процессіи является въ храмъ св. Софіи. Въ такъ называемыхъ серебряныхъ воротахъ (*εἰς τὰς ἀργυρᾶς πύλας*) онъ зажигаетъ свѣчу и вмѣстѣ съ патріархомъ идетъ на солею. Здѣсь они молятся предъ царскими вратами и переходятъ на амвонъ, гдѣ на особомъ столикѣ лежали порфира и корона. Патріархъ совершаетъ молитву надъ порфиною и, по окончаніи молитвы, чины двора (кувикуляріи—*οἱ τοῦ ζουβορζελείου*) брали порфиру и надѣвали ее на императора. Затѣмъ патріархъ читалъ молитву надъ вѣнцемъ и, по прочтеніи ся, бралъ вѣнецъ и возлагалъ его на голову императора. При этомъ всѣ присутствовавшіе въ церкви возглашали: *Святъ, Святъ, Святъ, слава въвышнихъ Богу и на земли миръ*. Это славословіе возглашалось трижды

¹⁾ Theophanis Chronographia, p. 768.

²⁾ *Ibid* p. 254, 373, 384, 447. 696.

и непосредственно за нимъ слѣдовало многолѣтіе нововѣнчанному царю, по выслушаніи котораго царь садился на престоль и принималъ поздравленія. „Остальное, читаемъ въ чинѣ, что касается до приобщенія, совершается по обычаю праздниковъ“, т. е. такъ же, какъ въ великіе праздники, въ день коронованія императоръ приобщался св. таинъ ¹⁾.

Коронація императрицъ и наслѣдниковъ совершалась тѣмъ же порядкомъ и съ тѣмъ лишь различіемъ, что, какъ и прежде, императоръ самъ возлагалъ на нихъ порфиру и вѣнецъ, принимая эти инсигнії изъ рукъ патріарха ²⁾. Была еще особенность въ чинѣ коронованія наслѣдника. Когда императоръ возлагалъ на него вѣнецъ, присутствовавшій въ церкви народъ возглашалъ „достоинъ“ — *ἀξιος* ³⁾.

Однако, приведенный чинъ даетъ намъ неполныя свѣдѣнія и ничего не говоритъ о томъ, какія молитвы читаетъ патріархъ надъ порфирой и вѣнцемъ, не приводитъ текста молитвъ. Эти молитвы, однако, дошли до насъ изъ богослужебныхъ книгъ древней Византіи. Это тѣ-же самыя двѣ молитвы, которыя входятъ въ составъ современнаго намъ русскаго чина священнаго коронованія. Выведенный нами чинъ вѣнчанія несомнѣнно имѣетъ въ виду эти молитвы, потому что то чиноположеніе, въ которомъ мы встрѣчаемъ ихъ, по ритуалу совершенно тождественно съ нимъ ⁴⁾. Тоже самое, съ другой стороны, подтверждается и тѣмъ, что чинъ съ молитвами, такъ же, какъ и чинъ безъ молитвъ, ничего не знаетъ о мѣропомазаніи. Ясно, что чинъ съ молитвами современенъ чину безъ молитвъ. Онъ явился не позднѣе первой половины X в., потому что изъ второй половины этого вѣка мы уже знаемъ о существованіи мѣропомазанія, какъ составной части царскаго вѣнчанія. Правда, въ первой молитвѣ мы читаемъ слѣдующія слова: „самъ и нынѣ... вѣрнаго раба Твоего помазати удостой елеомъ радостіи“; въ этихъ словахъ какъ будто содержится указаніе на помазаніе. Но съ этимъ согласиться нельзя. Непонятно

¹⁾ Const. Porhyr. De cerim. a. B. I, 38 c., p. 192—193.

²⁾ *Ibid.* c. 40 p. 202—206, 207—209 c. 41.

³⁾ *Ibid.* c. 87 p. 394; lib. II, c. 27, p. 627—628.

⁴⁾ Goar. *Ευχολογιον* sive rituale Graecorum. Parisiae, 1647, p. 924 - 926.

тогда, почему въ ритуалѣ умалчивается о совершеніи муропомазанія? Почему молитва говоритъ о елеѣ радованія (*τῷ ἐλαίῳ τῆς ἀγαλλιάσεως*), а не прямо о мурѣ? Видѣть въ этихъ словахъ молитвы указаніе на муропомазаніе тѣмъ болѣе необязательно, что въ связи съ слѣдующими за ними словами: „одѣй его силою съ высоты“ въ нихъ всегда можно видѣть только метафорическое выраженіе.

Точно опредѣлившійся къ половинѣ X в. чинъ священнаго коронованія во второй половинѣ этого столѣтія снова осложнился. Въ него введено было, какъ мы уже сказали, помазаніе коронуемаго св. муромъ. Первое упоминаніе о царскомъ помазаніи (*τὸ χρίσμα τῆς βασιλείας*) паходится въ соборномъ актѣ Константинопольской церкви изъ времени патріарха св. Полевкта. Краткую выдержку изъ этого акта приводитъ извѣстный комментаторъ церковныхъ правилъ патріархъ антиохійскій Θεодоръ Вальсамонъ въ толкованіи на 12-е правило Анкирскаго собора. Въ приводимомъ имъ извлеченіи изъ акта дѣйствіе царской хрисмы приравнивается къ дѣйствію таинства муропомазанія: какъ и послѣднее, первое изглаждаетъ прежде содѣянные грѣхи ¹⁾).

Съ этого времени лѣтописцы и историки византійскіе, говоря о царскомъ вѣнчаніи, всегда упоминаютъ о помазаніи. Такъ Никита Хониатъ передаетъ о помазаніи св. муромъ императора Мануила Комнина (1143 г.) ²⁾, Никифоръ Григора о помазаніи Θεодора Ласкариса ³⁾, Георгій Пахимерь о помазаніи сына Андроника Комнина-Михаила ⁴⁾.

Какіе выводы можно сдѣлать о времени присоединенія къ коронаціи муропомазанія? Если принять во вниманіе то обстоятельство, что Константинъ Порфирогенитъ ничего не говоритъ о муропомазаніи, что о немъ не упоминается и въ чинѣ, соотвѣтствующемъ показаніямъ Константина Порфирогента, и что, послѣ перваго упоминанія о немъ въ началѣ второй половины X в., свидѣтельства о немъ почти

¹⁾ „ὡς ἐπεὶ τὸ χρίσμα τοῦ ἁγίου βαπτίσματος τὰ πρὸ τούτου ἁμαρτήματα ἀπαλείφει, οἷα καὶ ὅσα ἂν ᾧσι πάντως, καὶ τὸ χρίσμα τῆς βασιλείας τὸν πρὸ ταύτης γεγονότα φόνον τοῦ Τζιμοσχῆ ἐξήλειπεν“. Beveregii sive Pandectae canonum, Oxonii, 1672, tom. I, p. 385.

²⁾ Nicet. Choniat. Hist. p. 70 ср. p. 602.

³⁾ Hist. p. 1, p. 32.

⁴⁾ Hist. p. 196.

постоянны, можно отнести и его появленіе къ половинѣ X в. Правда, нѣкоторые историки конца X в. и начала XI ничего не говорятъ о помазаніи и лишь передаютъ о вѣнчаніи. Такъ Левъ діакопъ про Іоанна Цимисхіа пишетъ, что онъ по обычаю былъ увѣнчанъ отъ патріарха ¹⁾. Михаилъ Атталіатъ, передавая о коронаціи императора Михаила Комнена (31 августа 1057 г.), говоритъ только, что онъ въ великой церкви получилъ вѣнецъ изъ рукъ патріарха на амвонѣ ²⁾. Кедринъ то-же самое про Іоанна Цимисхіа ³⁾. Но изъ этого отнюдь нельзя дѣлать вывода о томъ, что муропомазаніе при коронованіи могло существовать и до 10-го вѣка и историки тѣхъ времянъ умалчивали о немъ, употребляя для обозначенія коронованія терминъ вѣчанія, который, очевидно, былъ техническимъ, такъ какъ остался существовать и тогда, когда муропомазаніе несомнѣнно было. Но было бы странно допустить упорное и единодушное шестивѣковое замалчиваніе такого важнаго дѣйствія въ коронованіи; нельзя не согласиться, что, если бы муропомазаніе тогда входило въ чинъ коронованія, кто-нибудь изъ историковъ проговорился бы объ этомъ, не крайней мѣрѣ Константинъ Порфирогенитъ, точно и подробно описывающій намъ чины и обряды своего времени, не преминулъ бы зарегистрировать его.

Признавая, что муропомазаніе введено въ чинъ коронованія въ половинѣ X в., мы позволяемъ себѣ высказать смѣлое предположеніе, что первымъ помазанникомъ на византійскомъ тронѣ былъ императоръ Іоаннъ Цимисхіи (969—976)-

Изучая византійскій коронаціонный чинъ, можно замѣтить, что развитіе его идетъ параллельно съ измѣненіемъ взглядовъ на царскую власть. Съ постепеннымъ возвышеніемъ императорской власти, съ признаніемъ за нею даже божественнаго достоинства естественно было особеннымъ образомъ и посвящать въ носители божественныхъ силъ. Коронація превратилась въ *τὸ τῆς βασιλείας μυστήριον* ¹⁾, какое качество ей и придало муропомазаніе.

Если посмотрѣть въ чинъ коронованія, по какому оно

¹⁾ Hist. lib. VI, c. 5, p. 98.

²⁾ Hist. p. 59.

³⁾ t. 2, p. 380—381.

¹⁾ Satha, Bibliotheca graeca medii aevi, t. 5 p. 78. *Ἐκ μυστηρίου—Παράδοσις*, 1874.

совершалось въ соединеніи съ священнымъ муропомазаніемъ, мы дѣйствительно согласимся его назвать *таинствомъ*. Составъ чина коронованія въ соединеніи съ муропомазаніемъ сообщаетъ изъ XIV в. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ своей исторіи. Изложимъ вкратцѣ этотъ чинъ (*βασίλικη τελετή*, по Кантакузину)¹⁾. Послѣ провозглашенія на щитѣ, императоръ слѣдовалъ въ храмъ, гдѣ уготовлялся деревянный со ступенями чертогъ (*οὐκισκος*), въ который и вводили императора. Здѣсь онъ облачался въ порфиру и широкій поясъ, ранѣе освященный архіерейскимъ благословеніемъ, и садился на стоявшій здѣсь золотой тропь, возвышавшійся на 4 или 5 ступенекъ и слушалъ литургію. Предъ Трисвятымъ выходилъ изъ алтаря патріархъ и становился на амвонъ. Старшіе священнослужители шли за царемъ и приводили его на амвонъ. Патріархъ произносилъ молитвы на помазаніе царей составленные, одни про себя, другія въ слухъ всѣхъ, и умолялъ Бога за муропомазываемаго. Послѣ этого, снявъ свой головной покровъ, патріархъ божественнымъ муромъ крестообразно помазывалъ голову царя, провозглашая громко: *святъ*. Его возгласъ подхватывали стоящіе на амвонѣ, а за ними весь народъ, и возгласили трижды: святъ. Послѣ этого діаконы выносили изъ алтаря корону и патріархъ, взявъ ее, возлагалъ ее на голову царя, произнося: *ἀξιός*. Клиръ и народъ трижды повторяютъ. Потомъ литургія продолжается своимъ порядкомъ, и императоръ, если у него нѣтъ жены, возвращается на тронъ. Если же онъ женатъ, его жена приводится къ солеѣ; царь, взявъ приготовленную ей корону и, сойдя съ амвона, возлагаетъ ее на императрицу, на что она кланяется императору, исповѣдуя свое рабство ему и какъ мужу и какъ царю. Патріархъ же въ это время, стоя на солеѣ, возгласаетъ молитвы о царѣ, царицѣ и подданныхъ. Литургія продолжается обычнымъ порядкомъ; въ нее лишь вставляютъ пѣснопѣнія, приличныя торжеству. Предъ великимъ входомъ, выходятъ высшіе діаконы и приглашаютъ царя въ предложеніе, гдѣ находятся святые дары. Здѣсь императоръ надѣвалъ золотую мантию поверхъ пор-

1) Hist. l. 1, c. 41, p. 196.

фиры, и, взявъ въ правую руку крестъ, а въ лѣвую скиптръ, шель въ великомъ входѣ. По обоямъ его сторонамъ слѣдовали Варанги съ сѣкирами и благородные юноши, а непосредственно за императоромъ діаконъ и священники со св. мощами и святыми дарами. По греческому обычаю съ дарами обходили храмъ и возвращались къ солеѣ. На солею поднимался лишь одинъ императоръ и привѣтствовалъ стоящаго на другомъ концѣ соли въ царскихъ дверяхъ патріарха. Затѣмъ слѣдовало поминовеніе царя и послѣ него царь, снявши мантию, уходилъ на тронъ. Литургія совершалась обычнымъ порядкомъ до времени причащенія. Если царь готовъ былъ къ принятію св. таинъ, онъ, по новому приглашенію діаконъ, входилъ царскими дверьми въ алтарь. Здѣсь онъ бралъ кадило, кадилъ трапезу вокругъ и патріарха. Послѣ каженія царь снимаетъ корону и передаетъ ее діаконамъ. Патріархъ же подаетъ ему въ руки чашу съ божественною кровью и сообщаетъ его крови на лжицею, но по образу священническому. Послѣ этого, надѣвъ корону, царь оставляетъ алтарь. По окончаніи литургіи, получивъ благословеніе отъ патріарха и другихъ епископовъ и облобызавъ ихъ десницы, идетъ въ такъ называемый катеѹмень, гдѣ принимаетъ привѣтствія.

Мы не упомянули еще объ исповѣданіи вѣры. Оно составляло непремѣнное требованіе и императоръ всегда напередъ заготовлялъ исповѣданіе, которое сначала возглашалось въ церкви, а за тѣмъ за собственноручной подписью передавалось императоромъ патріарху. Оно содержало никео-цареградскій символъ и обѣщаніе хранить апостольскія преданія и установленія соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ ¹⁾.

Какъ видимъ, чинъ пріобрѣлъ очень сложный и подробный видъ. Въ немъ прибавилось лишь одно новое основное дѣйствіе, но ритуаль въ подробностяхъ расширился весьма значительно. Пышный разцвѣтъ величія и блескъ императорской власти дали ей конкретное участіе въ одномъ изъ важныхъ моментовъ литургіи: въ великомъ выходѣ и открыли путь къ престолу чрезъ царскія врата, дали царю

¹⁾ Ioan. Cantac. Hist. I. 1, c. 41, p. 196—204.

въ руки кадило съ еиміамомъ и въ уста чашу съ божественной кровью.

Этотъ чинъ сталъ обычнымъ чиномъ коронованія и императоры лишь заботились о точномъ выполненіи его предписаній безъ всякихъ опущеній ¹⁾. Чинъ прекратилъ свое развитіе и мы находимъ его въ одномъ неизмѣнномъ видѣ и у Кодина въ сочиненіи „объ обрядахъ Константинопольскаго двора и чинахъ великой церкви“ ²⁾ и у іеродіакона русскаго Игнатія, очевидца коронаціи импер. Мануила Палеолога ³⁾ въ 1392 г. и, наконецъ, у Симеона Солунскаго въ его истолкованіи чиновъ церковныхъ ⁴⁾.

Впрочемъ, если императоры боялись дѣлать опущенія въ чинѣ, то прибавленій не избѣгали. Такъ, передавая чинъ коронованія, іеродіаконъ Игнатій и Симеонъ Солунскій говорятъ объ акакіи (*ἀκακία*), какъ принадлежности коронаціи. Это любопытное историческое явленіе, о которомъ ничего не знаетъ Иоаннъ Кантакузинъ и которое на Руси не было извѣстно. Въ противовѣсъ блеску коронаціи, который могъ надмѣвать, въ Византіи старались ввести въ коронацію напоминаніе о бренности всего земнаго. Въ разное время это дѣлалось различно. Іерод. Игнатій передаетъ, что въ его время послѣ того, какъ патріархъ привѣтствовалъ императора съ совершеніемъ коронованія „приступать къ нему мраморницы, и гробоздателіе: и принеши показываютъ ему мраморіе и камніе и къ нему глаголють: которымъ лицемъ велить держава твоя быти гробу твоему“ ⁵⁾. Во времена же Симеона Солунскаго употреблялась акакія въ собственномъ смыслѣ или шелковый платокъ, землю наполненный; онъ во время коронованія возлагался на лѣвую руку царя ⁶⁾.

Въ 14 в. потребовалось научить императоровъ смиренію и вотъ въ составъ коронаціи входитъ употребленіе акакіи, имѣвшей мѣсто при императорскихъ выходахъ въ торже-

¹⁾ *Πάντα ἐτελείτο τὰ νενομισμένα, οὐδενὸς παραλειφθέντος.* *ibid.* с. 92 p. 565.

²⁾ *De officiis palatii Constantinopolitani* с. 17, p. 86—99.

³⁾ У Барсова въ цит. соч. стр. 19—

⁴⁾ *Περὶ τοῦ Θείου ἱαοῦ, Μαλδαβία*, 1787, с. 1 —147, p. 133—134.

⁵⁾ Барсовъ, стр. 23—24.

⁶⁾ *Περὶ τοῦ Θείου ἱαοῦ*, с. 158, p. 135.

ственные праздники: Пасхи ¹⁾, Пятидесятницы ²⁾, Рождества ³⁾).

На этомъ и прикончилось развитіе византійскаго коронаціоннаго чина: оно далѣе не пошло. Со времени Симеона Солунскаго мы уже не находимъ новыхъ чертъ въ чинѣ коронаціи и теперь смѣло можемъ перейти къ обзорѣнію исторіи чина на Руси. Изученіе византійской исторіи, какъ увидимъ, поможетъ намъ разобраться въ ея показаніяхъ и дастъ полезное и надежное руководство для освѣщенія хода русской исторіи чина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

К. Поповъ.

1) Const. Porphyr. De cerim. a. Byz. lib. II, c. 52, p. 766.

2) *Ibid.* lib. I, c. 9, p. 62.

3) *Ibid.* lib. I, I, p. 23, 25.